

А. П. Окладников

ЛОСИ НА ДОЛГОМ ПОРОГЕ
(ПЕРИОДИЗАЦИЯ НИЖНЕАНГАРСКИХ
НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ)

10 августа 1937 г. рыбацья лодка, в которой плыли вниз по Ангаре три молодых в то время человека, участники археологической экспедиции Иркутского краеведческого музея — А. П. Окладников, А. Д. Фатьянов и А. Н. Мельников, причалила к каменистому левому берегу Ангары посредине одного из грозных ангарских порогов — Долгого, как его издавна называли местные жители, или Дубинского порога. Изумленные, они остановились у огромной глыбы траппа, которая уже издали, с середины реки, привлекала внимание своей величиной и необычной формой. Она стояла вертикально, как параллелепипед, как гигантская призма. Собственно, именно эта глыба, так эффектно и необычно выглядевшая среди других бесчисленных глыб и валунов, усеивающих берега реки вдоль Долгого порога, и заставила нас повернуть лодку к ней.

Местные жители, обитатели деревни Дубинино, расположенной в 7 км выше на том же левом берегу, а также рыболовы и охотники, постоянно проплывавшие мимо, конечно, тоже видели этот камень, но никто из них не знал, что на его поверхности сохранились рисунки глубокой древности — фигуры двух лосей и несколько антропоморфных изображений. На близлежащем Ушканьем острове тогда же были найдены наскальные рисунки, тоже ранее неизвестные в литературе по археологии Сибири.

Художник нашей экспедиции А. Д. Фатьянов (ныне директор Иркутского художественного музея), зарисовал на глаз изображения, обнаруженные на Долгом пороге и на Ушканьем острове. Все эти изображения были довольно подробно описаны в дневнике экспедиции. Они упоминались затем в моей книге «Неолит и бронзовый век Прибайкалья»¹. В 1966 г. они были описаны по дневникам экспедиции 1937 г. и по рисункам А. Д. Фатьянова в другой моей книге о петроглифах Ангары².

После длительного перерыва мне и моим сотрудникам, участникам Усть-Илимской археологической экспедиции Института истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР, довелось снова вернуться к этим наскальным изображениям. Они оказались в зоне затопления Усть-Илимской гидроэлектростанции, и перед нами встал вопрос о более тщательной их фиксации, а также о возможности переправить глыбу с рисунками в безопасное место. Ранее это было сделано нами с частью наскальных рисунков Каменных островов, ныне затопленных водами Братского моря, водохранилища Братской ГЭС.

Участники Усть-Илимской экспедиции неоднократно посещали места, где находятся камни с изображениями. Был образован и специальный

¹ А. П. Окладников, Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. I—II, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 18, 1950, стр. 281.

² А. П. Окладников, Петроглифы Ангары, Л., 1966.

Рис. 1. Общий вид камня с изображениями лосей на пороге Долгом

небольшой отряд под руководством Э. А. Скорыниной, который сфотографировал рисунки в районе Долгого порога и острова Ушканьего, а также сделал с них эстампажи.

В результате появилась возможность полнее и точнее их описать, а также уяснить место этих замечательных памятников в истории искусства древних обитателей сибирской тайги.

Остановимся на двух самых монументальных фигурах лосей на «призматической», вертикально стоящей глыбе траппа, о которой шла речь выше.

Верхушка глыбы скруглена и как бы окатана. Боковые же четыре грани шероховатые, плоские. Основанием, всей многотонной тяжестью, глыба опирается непосредственно на скалистую плоскость берегового уступа. С боков она прочно зажата и, можно сказать, «заклинена» большими остроугольными кусками траппа. Изображенные на ней две фигуры лосей показаны идущими в одном направлении справа налево, т. е. с запада на восток, вверх по реке.

Уточняя прежнее описание (1937 г.), остановимся сначала на задней, правой фигуре лося. У него широкое, почти овальное по очертаниям туловище с округлым массивным крупом. Спина слегка вогнутая. На ней выступает плавно очерченный, но вполне отчетливо показанный горб над лопатками. Шея относительно короткая, но пропорциональная по размерам. Голова лося длинная. На ней подчеркнуто, но сдержанно, без утрировки, показана массивная, слегка нависающая верхняя губа — отличительный признак морды лося. Пасть открыта, нижняя губа короткая. Под шеей изображена коротким выступом характерная для оленя «кисть» или «серьга». На морде животного круглой, старательно выбитой ямкой, обозначен глаз. Рога отсутствуют, но зато тщательно выбиты уши, откиннутые назад. Ноги животного тонкие, длинные, внизу переходящие почти в острие. Спереди изображены две ноги, раскинутые в стороны, как бы в быстром беге. Одна задняя нога вытянута вперед. Вто-

рой ноги нет, так как она не уместилась на глыбе. На крупе сверху имеется тонкая полоса, очевидно, изображающая короткий хвостик зверя. Правда она находится выше, чем следует для хвоста. Но такое положение хвоста тоже, должно быть, определяется отсутствием места на камне.

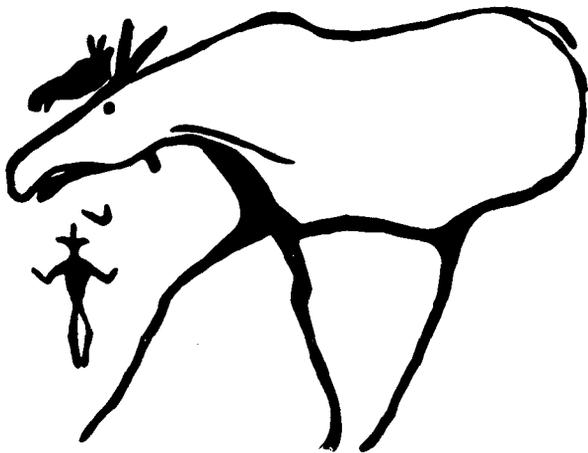

Рис. 2. Задняя фигура лося на пороге Долгом

Вся эта мощная фигура полна динамики и внутренней сдержанной экспрессии. Такое впечатление создается как общим наклоном туловища зверя, так и вытянутой вперед шеей и головой с раскрытой пастью. Как будто зверь ломится сквозь тайгу, одержимый страстью. Размеры фигуры: длина — 136, высота — 110 см.

Вторая, передняя фигура лося, расположенная на соседней широкой плоскости глыбы траппа, почти такого же размера, как задняя. Длина ее — 173, высота — 165 см. У нее такое же овальное по общим очертаниям туловище, но не столь широкое, не такое массивное. На чуть вогнутой спине виден обычный горб. Шея короткая. Голова лося длинная, с длинной мордой и нависающей верхней губой. Пасть приоткрыта, как и у задней фигуры. Нижняя губа тоже короткая, узкая. Глаз обозначен ямкой. На голове отчетливо видны два узких длинных уха, откинутых назад. Перед ушами поднимаются два рога, оба ветвистые — с отростками. Рога и отростки наклонены вперед. В целом же уши и рога раскинуты веерообразно. У животного четыре ноги. Передние ноги раскинуты в стороны, задние вытянуты вперед. Копыта у лося оформлены в виде изящных «туфелек». Лось этот шагает или бежит, широко раскидывая ноги. Однако в нем нет столь резко выраженной динамики и такой устремленности, как в правой фигуре. Обе фигуры лосей выполнены в одинаковой технике: камень внутри контуров фигуры выбран мелкими точечными ударами тупого инструмента, таким образом фигура лося была углублена на 1—2 мм. Затем, после такой «точечной ретуши», древний мастер прошлифовал сплошь выбитую поверхность. Местами шлифовка оказалась более глубокой, желобком. Таким способом обозначен рот на правой лосиной фигуре.

На том же левом берегу Ангары в районе Долгого порога имеется еще одна фигура лося. Рисунок этот, как отмечалось в дневнике 1937 г., «выбит неглубоким желобком на верхней плоскости большого плоского камня на правой стороне от устья небольшой р. Долгой. Изображена фигура лося с большим и массивным отвислым брюхом. Горб его крутой. Морда тяжелая и массивная. Глаз выбит ямочкой. На голове торчат развилкой два рога. Круп зверя округлый, на нем сзади виден короткий

хвостик. Ног — четыре. Манера, в которой изображен этот лось, отличается от той, в которой выполнены другие, описанные ниже рисунки лосей. В то время как последние вполне реалистичны, здесь фигура животного сильно стилизована и уплощена. Она обрисована одним плавным, как бы облегающим ее контуром. Бросается в глаза стремление древнего художника обобщить, округлить тело и голову зверя. Голова дана в виде короткого, параболического выступа и скорее напоминает голову сайги, чем лося. Ноги тоже стилизованы, и в их передаче ощущается склонность к плавной кривой линии. Они, особенно передняя

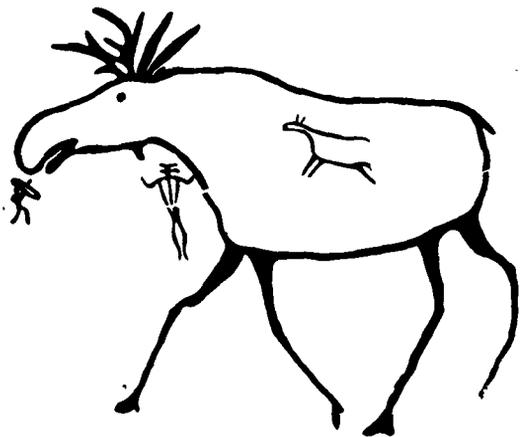

Рис. 3. Передняя фигура лося на пороге Долгом

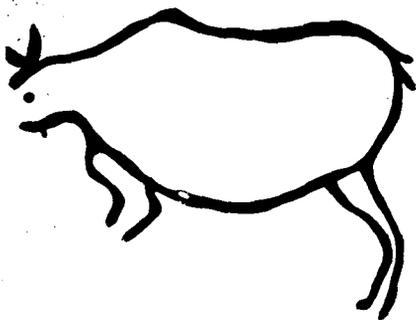

Рис. 4. Фигура лося на левом берегу Ангары в районе порога Долгого

пара, даже утрированно выгнуты. По своеобразной манере стилизации этот рисунок напоминает некоторые рисунки на Втором Каменном острове у дер. Егоровой³.

К этому нужно добавить, что кончик морды животного отсутствует. Скорее всего он просто не поместился на глыбе, где для него не хватило места. Ноги лося спереди короткие, изогнутые, почти в виде зигзага. Задние ноги длиннее. Они тоже изогнуты, и концы их образуют как бы ступни. Длина рисунка 88, ширина 68 см.

Монументальные фигуры лосей на призматической глыбе были выбиты на свободной, ничем еще не занятой поверхности, и для них полностью была использована поверхность двух ее плоскостей.

Однако они здесь не единственные и сопровождаются другими изображениями меньшего размера, явно помещенными на оставшиеся свободными второстепенные участки скальной поверхности. Это не просто второстепенные по значению, а сопровождающие рисунки, своего рода «сателлиты» больших лосей. Таково, прежде всего, небольшое изображение лося, вписанное внутрь туловища переднего, левого лося. Изображение это выполнено узкой прошлифованной бороздкой и схематично по стилю. У животного почти прямоугольное, лишь слегка округленное широкое туловище, вытянутая вперед узкая голова, на которой торчат две короткие полоски — рога или уши. Ног четыре, они прямые и вытянуты попарно вперед и назад, параллельно друг другу.

Прямоугольная форма туловища, схематично очерченная голова, как и прямые ноги контрастно противоположны по своей трактовке большим фигурам лосей. Отсюда ясно, что в этом рисунке явственно выступают принципиально другая стилистическая манера и, более того, другое художественное мировоззрение. Это, очевидно, позднейший рисунок, впи-

³ А. П. Окладников, Петроглифы Ангары, стр. 98.

санный на свободное место в древнем изображении. Однако вписан он внутри тела лося явно не случайно, а намеренно помещен на определенном месте, в его «чреве». Речь идет, должно быть, о магии плодородия, о том, что позднейший мастер, работавший в схематизирующей, или, как сказал бы Герберт Кюн, «имажинитивной» манере, ставил перед собой именно эту, а не какую-либо иную цель: усилить воспроизводящую мощь природы, увеличить количество лосей в тайге.

Что именно так следует понимать связь двух изображений (раннего — реалистического и позднего — схематизированного) свидетельствуют этнографические материалы, изданные в свое время А. Ф. Анисимовым и Г. М. Василевич; например, охотничья мистерия тунгусских племен — «иконипка» и «шингкэлавун»⁴.

Около того же левого, переднего лося на нашей глыбе траппа видны две антропоморфных фигуры. Первая фигура, выполненная узким желобком, помещена непосредственно около морды животного. Изображен человек с луком и стрелой, направленной прямо в пасть зверю. Человек маленький, крохотный по сравнению с огромным лосем. Он показан в профиль, в живой позе, в движении, с двумя широко развернутыми ногами, узкой талией и круглой головой.

Вторая антропоморфная фигура на камне изображена строго в фас. Она выполнена контурными линиями. У нее длинное треугольное тело, разделенное на две половины вертикальной линией, «позвоночником». Ноги согнуты в коленях «ромбом». Ступни их слегка выгнуты в стороны. Обе руки подняты вверх в молитвенном жесте адорации, поклонения. Оригинально изображена голова: в виде двух коротких горизонтальных полосок пересекающих продолжение «позвоночника», шею фигуры. Очень близкая по трактовке схематическая антропоморфная фигура, но более массивная и крупная по размеру, помещается и под головой левой фигуры лося. Она тоже показана в фас. Ноги ее точно так же согнуты ромбом, руки, согнутые в локтях, воздеты кверху в молитвенном жесте обращения к высшей силе. Голова изображена в виде тройной развилки. Так передана, видимо, не только сама голова, но и развилчатый, рогатый головной убор. Над головой виден изолированный знак в виде опрокинутого угла.

Две последние антропоморфные фигуры не только повторяют друг друга по манере изображения тела, по позе — ритуального (шаманского) танца, но и столь же несомненно имеют одинаковую семантическую основу — они передают одинаковые идеи, связанные с шаманским ритуалом и мифологией. В них выражены, очевидно, представления, связанные с культом божественного зверя — лося. Эти представления сохранились и дошли до нашего времени в мифологическом комплексе охотников тайги, у которых с образом мифического лося связана картина живой вселенной в зверином облике (лося), а также мифической матери и властительницы зверей, обеспечивающей пищу для голодной общины. Такая мать зверей, владычица звериного царства, носит у тунгусов наименование «бугады».

Это, несомненно, древнейший пласт представлений, связанных с образом лося на наскальных изображениях таежных племен каменного века, в полном смысле слова архаический и исходный для всего дальнейшего развития этого искусства. Но для того чтобы глубже понять историю изображений на камне у Долгого порога и отраженную в них эволюцию мировоззрения племен тайги, следует учесть, что тот же образ лося характерен и для другого комплекса представлений — о шамане у якутов, тунгусов и других охотничьих племен тайги и тундры. «Мать-зверь» шамана, как показал Г. В. Ксенофонтов, воспитывает души ша-

⁴ А. П. Окладников, Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. I—II, стр. 316—318.

манов до их рождения, пока те находятся на священном шаманском дереве в своих гнездах. Мать-зверь сопровождает шаманов и впоследствии, когда они выступают в качестве взрослых шаманов, посредников между миром земных людей и сверхъестественными мирами. Она их оберегает, она борется за них с Матерью-зверем другого шамана⁵.

Можно думать, таким образом, что поздние мастера, выбивая антропоморфные фигуры под древними монументальными изображениями лосей, стремились выразить в таком сочетании древнего и нового рисунков свои представления о божественном лосе — бугады, о матерях не только зверей, но и шаманов. Речь идет, следовательно, о вполне сложившемся шаманизме, об устоявшихся шаманских ритуалах и мировоззрении.

Таким образом, древние изображения лосей, в которых, по видимому, воплощалась идея о божественном лосе и о матери зверей, в конечном счете — идея плодородия, приобрели теперь новую семантическую нагрузку, более сложное и развитое содержание, в основе которого находится шаманистический комплекс. Когда же это произошло и каков, следовательно, возраст антропоморфных изображений, сопровождающих древние фигуры лосей? По аналогии с другими изображениями, выполненными в том же духе, в тех же традиционных формах (треугольные туловища; ноги согнутые ромбом — в позе ритуального танца; руки, воздетые в жесте поклонения и просьбы о помощи свыше), следует полагать, что человечки на глыбе с Долгого порога, как и все другие антропоморфные фигуры такого рода, могут быть отнесены к зрелой культуре эпохи бронзы. В абсолютных датах это скорее всего вторая половина II — начало I тысячелетия до н. э.

Что же касается датировки изображений двух больших лосей на Долгом пороге, о которых здесь шла речь, то они являются выдающимися произведениями зрелого реалистического стиля, который, по моему неоднократно высказанному ранее мнению, входит в число основных элементов развитой неолитической культуры таежных охотников серовского и отчасти китойского времени. Тем интереснее, что на той же уникальной трапной глыбе с Долгого порога и в непосредственной связи с первой, т. е. правой, фигурой лося находится еще одно лосиное изображение. На этот раз не полное, а частичное, парциальное. Над головой большого лося здесь выбита малая голова лося, ориентированная в том же направлении — вверх по реке. И для нее характерна та же вполне реалистическая по своей трактовке и форме манера исполнения. У нее явно видны два уха в виде развилки, горбатый крутой лоб, массивная и тоже сильно выгнутая губа. Пасть раскрыта, нижняя губа слегка отвислая. Голова в целом производит впечатление как бы отрезанной. Для понимания возраста и сущности этого рисунка важно, что парциальные изображения лосей, и притом именно лосиных голов, хорошо известны теперь и в других наскальных изображениях Сибири. Сюда относятся, прежде всего, целые серии стилизованных лосиных голов на Каменных островах Ангары, ныне залитых водами Братского моря. Головы эти выполнены на Каменных островах техникой шлифовки. К числу парциальных изображений такого рода принадлежит и замечательная «Лесная мадонна» на том же Втором Каменном острове, где мы видели серии вышлифованных лосиных голов⁶.

Парциальные изображения имеются не только в наскальных рисунках, но и в мелкой пластике. Они обнаружены в памятниках определенного этапа неолитического времени на Ангаре, в китойских погребениях вместе с выражено-китойским инвентарем, в могилах, где костяки засыпались по китойскому ритуалу красной охрой, «кровью мертвых».

⁵ Г. В. Ксенофонов, Легенды и рассказы о шаманах у якутов, бурят и тунгусов, М., 1930; «Schamanengeschichten aus Sibirien (aus Russischen übersetzt und eingeleitet von Adolf Friedrich und Georg Budruss)», München, 1955, S. 95—208.

⁶ А. П. Окладников, Петроглифы Ангары, табл. 48—51, 61 и др.

Серия таких скульптур оказалась в погребениях замечательного могильника «Локомотив» (иначе — «Циклодром») в бывшем Глазковском предместье Иркутска. Оттуда же происходит единственная в своем роде, потрясающая коллекция лосиных головок, вырезанных из резцов самого лося. Лось представлен в них как бы вдвойне: и своим скульптурным обликом, и самым своим материальным веществом, зубами.

Парциальные головы лосей есть на скале «палимпсесте», обнаруженной мной по правому берегу речки Тальмы, впадающей в Куленгу. Они здесь налегают на самые ранние, неолитические фигуры лосей реалистического стиля. На миниатюрные головы лосей, выполненные красной краской, столь важной для погребального ритуала китойских племен, здесь в свою очередь наслаиваются глазковские по времени фигуры «танцующих» человечков, изображенных в профиль. Значит, головы лосей старше глазковских, но моложе неолитических памятников, иначе говоря, китойские по времени.

Из всего сказанного следует, что обычай изготовлять скульптурные парциальные головки лосей и рисовать их же на скалах вообще может быть с полной уверенностью датирован китойским временем. Так нужно определить возраст и парциальной головки лося на камне у Долгого порога: она пририсована здесь к большой полной лосиной фигуре именно в китойское время.

Итак, первыми пришли к камню у порога Долгого неолитические охотники на лосей. Их целью было магическое воспроизводство зверей в тайге, в первую очередь лосей. Они выбили на двух плоскостях камня, обращенных к реке, к бурлящему в брызгах и пене порогу, двух больших, реалистически трактованных лосей. Лоси шли на их рисунках друг за другом, гонимые инстинктом продолжения рода.

Со временем к священной скале, обиталищу матери зверей, подошел художник китойского времени и выбил на ней свой парциальный рисунок головы лося. Ему не требовалось изображать полную лосиную фигуру. Для него было достаточно и одной ее части, но зато самой важной, самой характерной — местелища разума и души зверя, его головы.

А через несколько столетий, после глазковского времени, когда в тайге появились собственные дитейщики и, быть может, металлурги, искатели руд, к чтимой издревле скале снова пришли художники бронзового века и почтительно дополнили древнюю простую сцену новыми рисунками. Они выразили при этом в своей усложненной и обогащенной новыми сюжетами композиции новое отношение к миру зверей, к божественным лосям. А когда сложилось такое характерное явление в социальной и духовной жизни охотничьих племен Сибири, как шаманство, около божественных лосей появились первые шаманы, чудотворцы, маги и художники, ходатаи за своих сородичей, их защитники от видимых и невидимых врагов и несчастий.

THE ELKS AT DOLGIY POROG (TOWARDS THE PERIODIZATION OF THE LOWER ANGARA ROCK REPRESENTATIONS)

The author gives a detailed description of representations upon rocks of elks and anthropomorphic figures in the Lower Angara region. Analysis leads him to the conclusion that these representations belong to different chronological periods. The ancient realistic elk figures belong to the Neolithic taiga tribes, while the anthropomorphic drawings may be attributed to the mature Bronze culture (second half of the Second — to the beginning of the First Millennium B. C.) The author considers the semantic contents of the representations to have changed in the course of time: the ancient elk drawings reflected the idea of the divine elk, while later artists expressed, through a combination of ancient and new drawings, a firmly established shamanistic outlook.